

Наоборотъ, средній возрастъ паралитиковъ и продолжительность теченія болѣзни остались почти тѣми же, что и раньше, хотя заболѣваніе въ раннемъ возрастѣ стало встрѣчаться чаще.

У женщинъ также больше наблюдается дементная форма паралича, но это же было и 40 л. назадъ; у нихъ 1-е мѣста по частотѣ занимаетъ дементная форма 53,7%, 2-е—типическая 27,7%, 3-е—депрессивная 12% и послѣднее—маніакальная 6,5%. Общее число больныхъ женщинъ съ припадками больше, чѣмъ мужчинъ, но разницы въ числѣ больныхъ съ припадками раньше и теперь не наблюдается. Наибольшее число умершихъ было въ возрастѣ 35—50 л.; средній возрастъ 42 г., а самый ранній 22 г. Продолжительность болѣзни въ большинствѣ случаевъ продолжалась болѣе 2 лѣтъ, а средняя продолжительность ровнялась 3¹/₂ г., т. е. больше, чѣмъ у мужчинъ.

Авторъ приходитъ къ заключенію, что у женщинъ картина прогрес. паралича мало измѣнилась за послѣдніе 40 лѣтъ.

В. Малъевъ.

В. Чижевъ. Достоевскій какъ криминологъ.—Вѣстн. Права, Январь, 1901 г.

Авторъ довольно подробно анализируетъ типы преступниковъ въ произведеніяхъ Достоевскаго, давшаго прекрасныя изображенія преступниковъ по натурѣ, случайныхъ преступниковъ, преступниковъ по страсти и душевно-больныхъ преступниковъ еще за нѣсколько десятилѣтій ранѣе, чѣмъ это сдѣлали криминологи.

Заслуги Достоевскаго въ этомъ отношеніи, его наблюденія надъ „преступнымъ человѣкомъ“, опередившія науку, долго не были оцѣнены по достоинству и лишь Ламброзо, его послѣдователи и представители его школы обратили должное вниманіе на эту сторону творчества гениальнаго романиста и охотно ссылаются на авторитетъ великаго знатока преступности и помѣшательства.

Аналізу автора, въ цѣляхъ пополнить пробѣлы нашей литературы, подверглись преступники въ произведеніяхъ: „Мертвый домъ“, „Честный воръ“, „Идіотъ“, „Вѣчный мужъ“, „Братья Карамазовы“ и „Преступленіе и наказаніе“.

Достоевскимъ впервые были отмѣчены характерные признаки „преступнаго человѣка“ и его отношеніе къ преступленію и наказанію; лишь двадцать лѣтъ спустя, послѣ наблюденій Достоевскаго, Томсонъ, предвѣстникъ криминальной антропологіи, сообщилъ какъ фактъ, достойный вниманія: „я видѣлъ убійць, спящихъ такъ же спокойно, какъ честные крестьяне“. „Ни признака стыда, ни раскаянія“,— вотъ отличительный признакъ преступника по натурѣ; характерно и его отношеніе къ преступленію и наказанію: „здѣсь нѣтъ угрызаній совѣсти, здѣсь принимается во вниманіе судьба, неотразимость факта“ и т. д.... „Совѣсть его спокойна, а совѣстью онъ силенъ, а это главное“.... Такимъ же спокойнымъ образомъ преступный человѣкъ относится и къ наказанію.

Авторъ подробно касается отношеній преступника къ окружающимъ его лицамъ, къ чужой собственности, къ личному труду, религіи, къ удовольствіямъ и наслажденіямъ и типъ преступника по натурѣ обрисовывается со всѣми деталями и во весь ростъ.

Отмѣчена авторомъ и великая по своему глубокому смыслу мысль Достоевскаго, мысль высказанная за много лѣтъ ранѣе ученыхъ криминалистовъ, что наказанія необходимо сообразовать съ натурой преступника и какъ несправедливо содержать вмѣстѣ съ преступниками по натурѣ политическихъ преступниковъ и преступниковъ по страсти.

Какъ типъ случайнаго преступника разобранъ авторомъ Емельянь Ильичъ изъ разсказа „Честный воръ“. По личнымъ наблюденіямъ автора за время свыше трехлѣтней дѣятельности въ тюрьмахъ случайные преступники встрѣчаются въ количествѣ не болѣе 15—30% всѣхъ арестантовъ.

Преступники по страсти—Парфень Рогожинъ („Идіотъ“) и Трусоцкій („Вѣчный мужъ“), подвергнутые тщательному анализу автора достойны глубокаго сожалѣнія, какъ лица много пострадавшіе. Только жестокосердный и не понимающій преступниковъ судья, говоритъ авторъ,—можетъ судить ихъ такъ же строго, какъ врожденныхъ преступниковъ. Методу прочимъ проф. В. Чижъ, какъ и Ferri (*Les criminels des lart et la littérature*) отмѣчаетъ, что Л. Толстой невѣрно изобразилъ душевное состояніе и поведеніе Поздышева (Крейцера соната) послѣ совершенія преступленія. Преступникъ по страсти не могъ вести себя такъ, какъ велъ себя Поздышевъ.

Наконецъ авторомъ разобраны два душевно-больныхъ преступника. Это Смердяковъ („Братья Карамазовы“) чловѣкъ съ преступной организаціей и Раскольниковъ („Преступленіе и наказаніе“) лицо съ организаціей патологической. Послѣдній уже былъ разобранъ проф. Чижемъ въ его статьѣ „Достоевскій какъ психопатологъ“.

Въ заключеніи авторъ останавливается на вопросѣ о значеніи романа „Преступленіе и наказаніе“. Значеніе этого романа велико. Никто, кромѣ Достоевскаго, не могъ изобразить весь ужасъ преступленія для честнаго чловѣка; лишь преступники по натурѣ, не способные переживать тѣ муки, которые переживалъ Раскольниковъ, могутъ совершать преступленія; это есть убѣдительное доказательство въ пользу ученія о преступномъ чловѣкѣ. Но здоровые честные люди не совершаютъ преступленій, а потому герой Достоевскаго психопатъ, не лишенный нравственныхъ чувствъ, онъ чловѣкъ честный, но больной, это „образъ будущихъ террористовъ, убивающихъ по теоріи и страдающихъ, какъ честные люди“.

В. Образцовъ.

П. И. Ковалевскій. Преступленія и ревность.—Журн. Мин. Юст. 1901.

Преступленія, совершаемыя подъ вліяніемъ ревности явленіе не рѣдкое, и само чувство ревности старше чловѣчества, ибо проявляется и въ животномъ царствѣ. Однако, количество работъ, посвященныхъ тщательному изученію этого извѣстнаго каждому чувства, далеко не соотвѣтствуетъ жизненному запросу.

Приведа три, крайне интересныхъ судебныхъ случая, въ основѣ которыхъ лежала исключительно ревность, авторъ высказываетъ свои соображенія на ревность и на чувства, съ которыми она обыкновенно смѣшивается.

Авторъ не сторонникъ взгляда, что любовь и ревность неразлучны между собою, что „любовь безъ ревности, едва ли даже любовь“; по его мнѣнію, это два чувства парализующія другъ друга. Чувство любви „безкорыстно, непритязательно и не требуетъ взаимодѣйствія и благодарности отъ любимаго существа“; добавленіе къ этому чувству страсти, а особенно сексуальной, понижаетъ достоинство и качество любви и по-